

ЛЕДЯНОЙ ЯД

Одержимость

Дмитрий Правдин

18+

МРАЧНЫЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ НУАР

Дмитрий Правдин

Ледяной яд

<https://litres.ru/74611827>

SelfPub; 2026

Аннотация

Клим Туров — успешный сценарист, живущий на шестьдесят третьем этаже московской высотки. У него есть всё: деньги, слава, любящая жена. Но одна случайная встреча в душном зале московского арт-пространства меняет всё.

Ева. Холодные серые глаза. Идеальная красота и абсолютная пустота внутри. Она не обещает любви. Она не просит денег. Она просто смотрит — и Клим начинает терять себя. Шаг за шагом он предаёт жену, разрушает карьеру, спускает состояние. Он уверен, что это страсть. Но страсть не высасывает душу досуха.

Когда Ева исчезнет, оставив на столе двести тысяч и записку, Клим поймёт: он был не любовником. Он был материалом. Глиной, из которой лепят чужую волю.

«Ледяной яд» — жёсткая, беспощадная исповедь человека, который добровольно шагнул в пропасть. История о том, как умный мужчина превращается в тень. О том, что некоторые женщины — не люди, а стихийные бедствия. И о том, что от них невозможно спастись, если ты уже посмотрел им в глаза.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Дмитрий Правдин

Ледяной яд

Глава

I. Исповедь на дне

Я не буду писать предисловий. Кому они нужны. Пишу в тетрадке, купленной в «Красном карандаше» на Лиговке, потому что ноутбук сдох три недели назад, а чинить его — ну, вы поняли. Смысла нет. Клавиатура залипла от чего-то сладкого, экран пошёл полосами, и я просто закрыл крышку. Выкинуть жалко, продать некому. Он лежит под кроватью, собирает пыль.

Денег тоже нет. Ну, есть немного. Хватает на пачку «Петра», дешёвую водку (не ту, что в красивых бутылках с матовым стеклом, а в пластике, поллитровке, от которой потом во рту как будто лизал аккумулятор) и на эту комнату. Комната, кстати, дерьмо. Батарея еле тёплая, обои в углу отходят жёлтыми пузырями, и под ними кто-то скребётся по ночам. Тараканы или мыши, мне уже плевать. Я даже не пытаюсь их давить. Пусть живут. Им тут больше делать нечего, чем мне.

Старуха, у которой снимаю, глухая. Или притворяется. Мы почти не разговариваем. Она оставляет пакет с хлебом и плавленым сырком под дверью, я оставляю мятые купюры

на тумбочке в коридоре. Всё. Вчера она оставила хлеб, но не нарезной, а половинку дарницкого, заветренную с краю. Я не стал резать. Отломил горбушку, жевал, сидя на матрасе. Матрас продавлен посередине, так что ты всё время скатываешься к стене, а от стены тянет таким холодом, будто за ней не подъезд, а река. Я жевал хлеб и смотрел на розетку у плинтуса. Из неё торчал кусок алюминиевой проволоки. Не вилка, а просто согнутый провод, почерневший от нагара. Кто-то жил тут до меня и включал так чайник или плитку. Я смотрел на эту проволоку минут двадцать. Думал о том, что если сунуть туда палец, будет ли больно, или сразу темно. Потом выпил воды из-под крана. Вода пахла ржавчиной и чьими-то чужими зубами.

Зовут меня Клим. Фамилия Туров. Если вы из Москвы, если тусили года до двадцать второго в этих всех барах на Патриарших или ходили на питчинги в «Хлебозаводе», может, слышали. Я писал сценарии. Сериалы. Те самые, которые все обсуждали в телеграме, пока ехали в пробке на Садовом. Платил за них канал нормально. Очень нормально. У меня была квартира в башне «Око». Шестьдесят третий этаж. Окна от пола до потолка. Помню, стоял утром с кофе, смотрел вниз, и машины казались жуками. Думал тогда: вот он я, хозяин жизни. Идиот. Просто конченный, самодовольный идиот.

Я пишу это не для того, чтобы вы сказали «ах, бедняга». Мне плевать. Я пишу, потому что руки должны что-то де-

лать, иначе они начинают трястись. А когда трясутся, я иду в «Пятёрочку» за пластиком. Замкнутый круг.

II. Золотая клетка

Жена была. Марина. Нормальная баба. Не модель, не актриса, просто... надёжная. Мы ещё со ВГИКа вместе. Она продюсерское, я сценарное. Она всё тянула на себе. Договора, юристы, эти бесконечные созвоны с редакторами, которые хотят «сделать героя ближе к зрителю». Я только сидел и строчил текст. Мне казалось, что я гений. Что без меня они все сдохнут.

У нас был Cayenne. Чёрный. Я его ненавидел, если честно. Он был слишком большой для московских дворов, но Аркаша, мой агент, сказал, что на нём нужно ездить, чтобы продюсеры видели статус. Статус. Какое дурацкое слово. Ты живёшь так, словно завтра тебя отменят, если ты не купишь правильные часы. Patek Philippe. Тяжёлые, холодные на запястье. Я снимал их только в душе.

Марина вела дела. Она знала, кому позвонить, кому улыбнуться, кого послать на хуй, но вежливо. Я сидел за ноутбуком и думал, что творю. На самом деле я просто штамповал. Последние два года я писал одно и то же. Менял имена, локации, но суть была одна: плохие парни, которые оказываются хорошими, потому что зритель хочет верить, что говно можно отмыть. Каналы это жрали. Рейтинги росли. Я получал бабки.

Мы жили в этой стеклянной коробке на шестьдесят тре-

тьем этаже. По утрам солнце било в глаза так, что приходилось надевать очки дома. Марина пила матча. Я пил чёрный кофе. Мы почти не разговаривали по утрам. Не потому что ругались. Просто сказать было нечего. Всё уже было сказано и решено. Жизнь шла по рельсам. Идеально смазанным, тихим рельсам.

Иногда я смотрел на Марину и пытался вспомнить, зачем я вообще на ней женился. Любил? Наверное. Раньше. Когда мы снимали хату в Бирюлёво и делили одну шаурму на двоих. Тогда было настоящее. А теперь она стала частью интерьера. Удобной, красивой, правильной частью. Как диван за миллион. Ты садишься на него, тебе мягко, но ты не думаешь о диване. Ты думаешь о том, что показывают по ящику.

Я думал, что так будет всегда. Что я состарюсь в этом пентхаусе, буду получать премии за заслуги, умру от инсульта лет в семьдесят, и Марина закажет красивый памятник. План был идеальным. Но планы работают только до тех пор, пока ты не встречаешь того, кому на твои планы насрать.

III. Точка невозврата

А потом ноябрь. Презентация какого-то нового онлайн-кинотеатра. Завод, кирпич, панорамные окна, модная публика. Стою у бара, пью виски (какой-то односолодный, названий не помню, пил тогда не разбирая), слушаю молодого режиссёра. Ему лет двадцать пять, борода клинышком, кроссовки стоят как моя первая машина. Он мне что-то про метафизику кадра задвигает, глаза горят. Говорит, что кино

должно быть как удар монтировкой по коленной чашечке. А мне скучно так, что зубы ломит. Хочу уйти, но нельзя, продюсер просил «показать лицо».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.